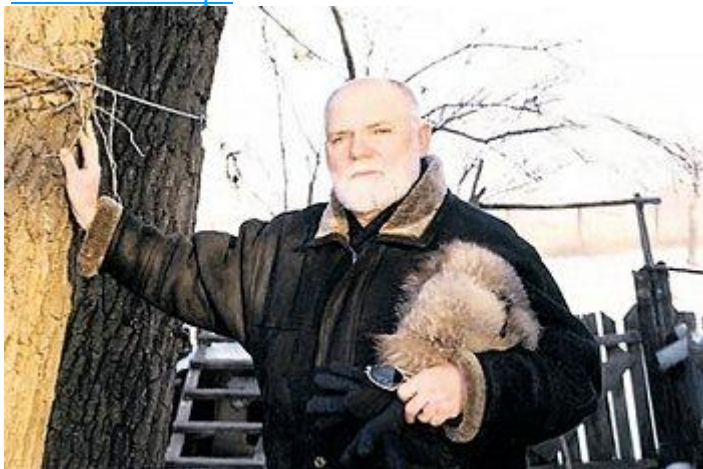

Звезда кочевая

Непраздные размышления над книгой Виктора Слипенчука

[Михайлов Игорь](#)

В издательстве «Художественная литература» в серии «Мастера русской прозы» выходит собрание сочинений Виктора Слипенчука в восьми томах.

Передо мной первый том.

Каким аршином измерить творчество Виктора Слипенчука? Тут всё неохватно, неоглядно, как даль и ширь, которые открылись юному поэту, когда его стихотворение было опубликовано в газете «Черниговский колхозник».

«Черниговский колхозник» – это звучит!

Начнём, пожалуй, вот с чего. С биографии, которая является своего рода ключом к произведениям начальной поры писателя.

Биография – уже книга, большая книга судьбы: геологоразведчик, слесарь-сборщик, зоотехник, журналист, моряк, старпом, инженер-рыбовод и т.д.

Масштаб географической карты СССР, а в центре, как Витрувианский человек, – автор. В качестве железной опоры этому пространству и стихии.

И таланта слесаря-сборщика недостаточно, чтобы свести этот список воедино, чтобы наметить отправную точку.

А может, и не надо искать причины, заставившие инженера-рыбовода взяться за перо?

«Спокойная жизнь и писательство – понятия, как правило, несовместимые, и тем, кто стремится к мирной жизни, лучше не становиться писателем», – говорил Акутагава.

Беспокойная, полная приключений жизнь Виктора Слипенчука, да и год рождения – сороковые, роковые, – залог того, что из слушателя Высших литературных курсов спустя 42 года вышел писатель. За плечами был солидный жизненный багаж.

Между прочим, биография писателя – мастер-класс для начинающих и уже куда-то там продвинутых. Нет биографии – нет литературы. Есть одно сотрясение воздуха: лонг-лист, шорт-линг. Писатели напоминают персонажей тараканьих бегов.

А в новеллах Слипенчука жизнь бьёт ключом:

«Мне семнадцать! Долой учебники! Здравствуй, жизнь! Я спрыгиваю с грузовика и бегу к роднику. Я бегу через заросли дикого винограда и шатры кишмиша. «Я-я-ге-о-лог!» – «Ох-ох!» – удивляется тайга».

И Васька, шофёр, кричит ему, словно приветствуя будущего властителя дум:

– Дурак ты, что ли?

Конечно, дурак, особенно по сегодняшним меркам. Или – Иванушка-дурачок, наступающий на те же самые грабли, о которые спотыкалась вся русская классика. Толстой зачем-то лез на Севастопольские бастионы, Достоевский томился на каторге, Бунин вымерял свои рассказы километрами пройденных дорог, скрепляя горьким опытом несчастных «любвий», Чехов на свои деньги ехал на Сахалин, Катаев воевал и за белых, и за красных и т.д.

А нынешние, что называется, «как-то проскочили».

Но вот что главное в первых, этих напоённых солнцем, рассказах. Героиня одной из новелл спрашивает альтер эго героя:

– Ты любишь солнце?

Сколько безоглядной романтики конца 50-х, начала 60-х в этом глупом вопросе! Сколько наивности и силы.

– Солнце и дурак любит...

И я вспоминаю фильм Калика «Человек идёт за солнцем». Помните, мальчик в Кишинёве идёт за солнцем, за его бликами, промельками, светом.

И Слипенчук, вернее его герой, идёт за солнцем. За запахом тайги, за туманом.

Время такое.

Оттепельное время, когда литература, из тени в свет перелетая, была медоносна.

«В низовье ручья протрубили изюбры. И сразу тайга ожила, зашумела, планета Луна белой сделалась и стала уходить всё дальше и дальше. Но я не испугался. Я надел рюкзак и пошёл за ней, за планетой».

Геологоразведчик выходит за рамки карты СССР, выходит за рамки. Так рождается поэзия.

Каждая новелла, что песня или стихи в прозе:

«Лунза – это таёжная деревушка. Она живёт у подножия двух сходящихся сопок и имеет свою речку. Лунза живёт тихо. Она живёт тихо и ждёт дождя. В дождь лунзовская речка несёт такие воды, что по ней можно сплавлять лес. И Лунза сплавляет лес».

К счастью, мне удалось побывать в тех или, быть может, очень похожих краях, ходил я и по мелководным предгорным речушкам в районе БАМа, Усть-Кута, Звёздного, Таюры. И даже гнался с охотниками за собаками, а они гнались за изюбрёнком, мы, стараясь отогнать их от детёныша, пытались поправить природу. Почти как Толстой, который, по словам Шкловского: «... описывал жизнь не такой, какой она есть, а такой, какая она должна быть».

В новеллах Слипенчука – жизнь такая, какой она и должна быть в художественном произведении: преображённая фантазией художника.

Недаром Владимир Вейдле в своей книге «Умирание искусства» писал:

«Возвращение к земле, как и возвращение к детству, есть искание чудесного, жажда мифического мира, познаваемого, как реальность, а не выдумываемого, как произвольная и пустая фикция».

Жизнь – не нарисованный очаг в каморке папы Карло, она намного глубже и шире, чем реальность, погружённая поколением нынешних скептиков, хипстеров от литературы и прагматиков в упаковку тёмного исторического прошлого или светящегося глянца популярной издательской серии.

Глянцевые мальчики, глянцевые девочки...

А вот Виктор Слипенчук весь несуразный, несоразмерный, неформатный.

Ведь так?

Хочется сказать им: смотрите, дурни, учитесь! Вот так не нужно жить и писать: ходить вслед за солнцем, слушать брачную песню изюбра, спать у костра, влюбляться.

Но по-другому – нельзя. Не получается. Вернее – получается не литература, а фикция.

Новеллы Виктора Слипенчука – вакцина от современного вируса литературы постмодернизма или недомодернизма, его резус-фактор светлый и здоровый. Слипенчук идёт за солнцем, любит, страдает, живя по закону русской классики:

«Страдать надо, молодой человек, – страдать, а потом стихи писать».

Я бы назвал его творчество этаким контрапунктом. Заповедником чистоты. Ведь справедливо заметил Поль Клодель в своём знаменитом трактате «Религия и поэзия»:

«В мире, где ничему нельзя сказать ни да, ни нет, где не существует ни нравственного, ни духовного закона, где всё позволено, где не на что надеяться и нечего терять, где не наказуется зло и не вознаграждается добро, – в таком мире драма невозможна, ибо в нём нет борьбы, а борьбы нет потому, что нет ничего, ради чего стоило бы тратить силы...»

У Слипенчука есть цель, то, ради чего стоит тратить силы и жить.

Что же?

Как учил великий Хэм, надо истекать кровью, а не клюквенным морсом. Да, кровью, как соком земляники, которую в новелле молодые геологи собрали на кладбище:

«Мы боялись пошевелиться – вся сопка была усеяна человеческими костями. Над нами стояло июльское солнце. Мясистая земляника истекала густым соком, и сладкий запах смерти отравлял голову».

Любовь и смерть, начало и отсчёт, большая земля, по которой он вымеряет масштаб своего таланта, своя путеводная звезда и правда.

Правда, как тепло женского тела.

«Я лежал с нею, как брат. Иногда, касаясь груди, я ощущал сладкий трепет, истекающий из её сосков. Тогда жуткое волнение разрушало мой ум, и я порывался уйти».

Настоящая литература целомудренна. Настоящее слово целокупно. Автор не сорит словами. Его перекрёсток судьбы, крестословица дорог ещё впереди...

Перекрёстки

Всего в первый том включено четыре повести: «Смеющийся пупсик», «Зелёной улицей, или Здравствуй, кинематограф», «Перекрёсток» и «Огонь молчания».

Если поначалу писатель как будто наговаривает себе под нос, напевает, подбирает те слова, которые пригодятся позже для решения уже более глобальных задач, то более взрослый писатель уже словно остепенился.

«Перекрёсток» навеивает грустные мысли, и не только потому, что сегодня – это сеть дорогих магазинов. Слипенчук из того времени, когда это слово не содержало в себе негативной коннотации.

«Перекрёсток» – важнейшее звено в творчестве писателя. Промежуточный итог. Веха. Период взросления.

Но жизнь, словно камень, выпущенный из пращи, набирает обороты. Мудрость порождает многие скорби. И писатель тащит этот груз на себе, как бурлак.

«Перекрёсток» – это встреча молодости и зрелости со всеми вытекающими последствиями, проклятыми русскими вопросами и проблемами:

«Ехал в троллейбусе, а мыслями был там, на Петровке. Сколько ни прокручивал, как ни поворачивал беседу с Кротовым, внутри оставался неприятный липкий осадок – втянули его в какую-то спланированную интригу, в какие-то загодя расставленные силки. Что за силки, зачем и кому понадобились...»

Автор вышел из той породы, которая впитала в себя музыку слова Хэма, Шукшина, Юрия Казакова, Трифонова. Отсюда, видимо, такой мужской и краткий слог.

Стиль – выразительный, экономный, телеграфный. Он будто заметки делает. Но ёмкие и выразительные диалоги склеивают весь этот пунктир, скоропись, солнечные блики в единое целое, словно бы отсекая всё лишнее:

«Владимир Яликов, шофёр коростылёвской автоколонны, сбил прицепом пожилую женщину. Вышло это так...»

Всё как будто бы буднично, но вот – беда, драма.

Да и зачем длинными периодами и сложносочинёнными предложениями разводите мосты между читателем и текстом?

Слипенчук – кочевая звезда от солнца к человеку.

И если, по Вейдле, «вымысел – самая неоспоримая, наглядная и едва ли не самая древняя форма литературного творчества. Там, где он (по обычным понятиям) отсутствует – в лирической поэзии, в философской или критической прозе, – творчество остаётся усматривать в мелодии мысли и в гармоническом обуздании стихии языка». То вчерашний солнечный мальчик, желторотый геолог, а сегодня уже слушатель Высших литературных курсов, укрощает стихию языка. От наивной юности здесь уже и след простыл.

Так уж и простыл?

«Здесь даже солнце б не вставало, когда бы не было меня».

Так вот же. Возвращаемся к началу.

Судьба, парка сплела эти силки. Без них слушатель Высших литературных курсов так бы и остался слушателем, а не писателем.